

ГЕРМАН КЛИМОВ

ТЫСЯЧА ПОКОЛЕНИЙ

НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Климов Герман

Тысяча поколений

«Автор»

2026

Герман К. Е.

Тысяча поколений / К. Е. Герман — «Автор», 2026

Артём погибает при обрушении полярной станции, спасая любимую женщину. Через двадцать восемь тысяч лет он открывает глаза в мире, где человеческую жизнь умеют возвращать, а любовь помнят главным образом по старым записям. Здесь нет войн. Дети растут в безопасности, помощь доступна каждому, а решения принимают без ревности и обид. Артёму дают всё необходимое, но он не знает, как жить среди людей, где нет незаменимых. Лея, исследовательница, вернувшая его к жизни, проводит с ним всё больше времени. Её внимание легко принять за близость. Для неё же он — единственный в своём роде научный случай. Чем сильнее Артём привязывается к Лее, тем труднее ему отличить заботу от наблюдения и собственную надежду от её выбора. «Тысяча поколений» — роман о цене привязанности, одиночестве среди благополучных людей и чувстве, которому, возможно, придётся возникнуть заново.

© Герман К. Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Аннотация	5
Введение	6
Часть I	10
Глава 1	11
Глава 2	15
Глава 3	19
Часть II	22
Глава 4	23
Глава 5	26
Глава 6	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Климов Герман

Тысяча поколений

Аннотация

Артём погибает при обрушении полярной станции, спасая любимую женщину. Через двадцать восемь тысяч лет он открывает глаза в мире, где человеческую жизнь умеют возвращать, а любовь помнят главным образом по старым записям.

Здесь нет войн. Дети растут в безопасности, помощь доступна каждому, а решения принимают без ревности и обид. Артёму дают всё необходимое, но он не знает, как жить среди людей, гд.

Лея, исследовательница, вернувшая его к жизни, проводит с ним всё больше времени. Её внимание легко принять за близость. Для неё же он — единственный в своём роде научный случай. Чем сильнее Артём привязывается к Лее, тем труднее ему отличить заботу от наблюдения и собственную надежду от её выбора.

«Тысяча поколений» — роман о цене привязанности, одиночестве среди благополучных людей и чувстве, которому, возможно, придётся возникнуть заново.

© Герман Климов, 2026

Введение

Что такое любовь?

Мы привыкли считать её чем-то исключительно человеческим. Мы пишем о ней книги. Ради неё женимся, разводимся, переезжаем в другие города, годами ждём одного человека и иногда совершаем совершенно неразумные поступки. Нам кажется, что любовь находится где-то очень глубоко внутри нас — настолько глубоко, что без неё человек перестаёт быть человеком.

Но жизнь существовала задолго до любви.

Каждый год морские черепахи выходят из океана на берег. Самка медленно ползёт по песку, находит подходящее место, выкапывает яму и откладывает туда яйца. Потом засыпает кладку, разворачивается и уходит обратно в море.

На этом её материнство заканчивается.

Через несколько недель маленькие черепашки выберутся из песка. Матери рядом не будет. Она не станет раскапывать гнездо, не поможет слабым, не проводит их до воды. Она никогда не узнает, сколько из них погибло по дороге. Возможно, когда-нибудь мать и детёныш проплывут в нескольких метрах друг от друга и даже не поймут этого.

И всё же черепахи существуют миллионы лет.

Значит, чтобы жизнь продолжалась, любовь вовсе не обязательна.

Рыба может выпустить в воду тысячи икринок и уплыть. Насекомое может оставить потомство, которого никогда не увидит. У множества видов родительская забота либо очень мала, либо отсутствует совсем.

Природе не обязательно заставлять мать любить своего ребёнка. Иногда достаточно заставить её оставить потомство.

Но существует другой путь.

Представим детёныша обезьяны.

Он не способен после рождения встать и уйти. Его нужно кормить, носить, согревать, защищать. Из-за него мать медленнее передвигается и тратит больше сил. В минуту опасности для неё было бы проще бросить эту маленькую тяжесть и спастись самой.

Но она не бросает.

Детёныш цепляется за её шерсть, а она несёт его с собой.

Для нас как раз обратное было бы страшным и неправильным. Нам трудно представить мать, которая спокойно оставляет беспомощного ребёнка и уходит. Мы настолько привыкли к привязанности, что воспринимаем её почти как закон природы. Но это не закон. Это один из способов, которым жизнь научилась сохранять себя.

Когда-то преимущество получало потомство тех животных, которые оставались рядом. Матери, которая возвращалась. Матери, которая защищала. Той, для которой собственный детёныш был важнее чужого.

Природе понадобился способ заставить одно живое существо заботиться о другом, даже когда это неудобно. Когда приходится делиться пищей, терять время, рисковать собой.

Так привязанность стала преимуществом.

А затем появился человек.

И задача стала ещё сложнее.

Человеческий ребёнок рождается почти совершенно неприспособленным к самостоятельной жизни. Проходят годы, прежде чем он сможет обходиться без взрослых. Его нужно кормить, защищать, учить, лечить. Одному человеку справляться с этим трудно. Нужны другие взрослые, родственники, группа. Нужны связи, которые не исчезают сразу после рождения ребёнка.

Для человека стало выгодно не просто встретиться.

Стало выгодно остаться.

Мы никогда не узнаем, в какой момент древняя необходимость превратилась в то, что сегодня человек описывает словами «я люблю тебя». Скорее всего, такого момента и не было. Были поколения, в которых одни сильнее держались друг за друга, тяжелее переживали потерю, дольше заботились о детях, чаще возвращались.

И их дети чаще выживали.

Так необходимость постепенно стала частью нас.

Потом мы забыли, зачем она появилась.

Мы превратили её в нечто гораздо большее. Придумали семью, верность, брак, обещание прожить вместе всю жизнь. Начали писать стихи, сочинять песни, строить дома на двоих. Научились скучать по человеку, которого нет рядом, ревновать, ждать, прощать и ненавидеть за то, что всё ещё любим.

Но у этой способности всегда была цена.

Если другой человек становится для тебя по-настоящему важным, ты становишься уязвимым. Он может уйти. Может выбрать другого. Может умереть. Любовь способна сделать человека счастливым именно потому, что позволяет другому человеку стать частью его жизни. По той же причине она способна причинить такую боль, какую не причинит посторонний.

И вот здесь начинается вопрос, ради которого написана эта история.

Условия снова меняются.

Только теперь их меняет не природа.

Мы сами.

Человеку всё реже необходимо создавать семью, чтобы просто выжить. Женщина может обеспечить себя без мужчины. Мужчина может жить один и не выпадать из общества. Ребёнок, потерявший родителей, больше не обязательно обречён. Мы научились лечить бесплодие, делили близость и рождение ребёнка, научились создавать эмбрионы вне человеческого тела.

Всё это — достижения.

Мы освобождаем человека от зависимости от другого человека.

Но одновременно учимся обходиться друг без друга.

Если отношения причиняют слишком много неудобств, их можно закончить. Если совместная жизнь мешает личным целям, можно жить одному. Если страшно доверять, можно не подпускать слишком близко. Если страшно потерять, безопаснее не привязываться слишком сильно.

Даже одиночество меняется.

Чтобы поесть, не нужен общий стол. Чтобы работать, не всегда нужен коллектив. Чтобы развлечься, не нужна компания. Чтобы поговорить, иногда уже не нужен человек рядом.

Еда приезжает к двери. Работа помещается в компьютере. Развлечение — в телефоне. Разговор — в экране.

Само по себе это не делает нас хуже. Свобода от вынужденных отношений — благо. Возможность уйти от человека, рядом с которым плохо, — благо. Возможность жить самостоятельно — благо.

Именно поэтому направление, в котором мы движемся, так трудно заметить.

Чтобы однажды изменить человека до неузнаваемости, вовсе не обязательно принять одно чудовищное решение.

Достаточно тысячи разумных.

Что произойдёт, если рождение ребёнка окончательно перестанет требовать мужчины и женщины?

Если беременность перестанет быть необходимостью?

Если ребёнка сможет вырастить система, которая сделает это безопаснее, стабильнее и справедливее семьи?

Если наследственные болезни можно будет исключать ещё до рождения?

А если вместе с ними мы научимся уменьшать склонность к агрессии, ревности, тревожности, болезненной зависимости от других людей?

Кто станет возражать?

Агрессия убивает. Ревность разрушает. Страх мешает жить. Болезненная зависимость превращает отношения в мучение.

Никому не понадобится принимать закон против любви.

Достаточно будет продолжать избавлять человека от страдания.

Но здесь возникает опасная граница.

Мы не знаем, можно ли полностью убрать боль привязанности, сохранив саму привязанность неизменной.

Любить — значит допустить, что другой человек имеет над тобой власть, которой нет у остальных. Не власть приказывать. Власть быть важным.

Если человечество всё дальше будет двигаться к независимости, безопасности и контролю, однажды может возникнуть вопрос: что останется от чувства, смысл которого миллионы лет состоял именно в том, чтобы делать нас зависимыми друг от друга?

Что, если через сотни поколений человеку действительно больше никто не будет нужен?

Не потому, что люди станут жестокими.

Возможно, наоборот.

Они будут спокойнее нас. Разумнее. Предсказуемее. Они не станут убивать из ревности. Не будут годами мучиться после расставания. Не станут держаться за разрушительные отношения из страха остаться одни. Возможно, войны исчезнут вместе с частью причин, которые когда-то заставляли людей ненавидеть, мстить и защищать «своих» от «чужих».

Это может оказаться очень хорошим миром.

Только человеку из этого мира будет трудно понять нас.

Он увидит старую фотографию, где мать прижимает ребёнка к груди, и поймёт, что она его защищает. Но ему может быть непонятно другое: почему мысль о потере этого ребёнка могла быть для неё страшнее собственной смерти.

Он прочитает, что мужчина ждал одну женщину много лет, хотя мог выбрать другую, и станет искать рациональную причину.

Узнает, что после смерти близкого человек иногда больше никогда не становился прежним, и назовёт это тяжёлым нарушением способности приспосабливаться.

Он поймёт наши поступки.

Но может перестать понимать, зачем мы были готовы платить за другого такую цену.

И тогда получится странная вещь.

Любовь никто не уничтожит.

Она не проиграет войну. Её не запретят. Не объявят преступлением. Не удалят из человека одним решением.

Мы просто шаг за шагом построим мир, в котором всё, ради чего она когда-то возникла, можно будет сделать без неё.

Возможно, мы ошибаемся. Возможно, любовь переживёт любые изменения общества, потому что давно стала чем-то большим, чем средство выживания.

Но если нет?

Если способность, которую миллионы лет поддерживала необходимость, начнёт меняться, когда необходимость исчезнет?

Тогда никакой великой трагедии не произойдёт.

Никто не заметит последнего человека, который любил так, как любим мы.

Не будет даты, которую потом запишут в учебники.

Любовь просто станет слабее. Реже. Менее необходимой. А то, что когда-то заставляло человека бросаться в воду за другим, не спать возле постели больного ребёнка или годами ждать возвращения одного-единственного человека, однажды покажется слишком высокой ценой за связь, без которой прекрасно можно жить.

И, возможно, самое страшное здесь в том, что любовь сама помогла создать такой мир.

Именно потому, что мы любили детей, мы старались сделать их жизнь безопаснее своей.

Потому что любили близких — лечили болезни.

Потому что боялись их потерять — строили более безопасные города, развивали медицину, искали способы продлевать жизнь.

Потому что не хотели, чтобы наши дети страдали, — поколение за поколением убирали из их жизни всё больше боли и зависимости.

Мы пытались построить мир, в котором тем, кого мы любим, больше не придётся страдать так, как страдали мы.

И однажды можем закончить эту работу.

Построить мир, где ребёнок не погибнет без матери. Где женщина не зависит от мужчины, а мужчина — от женщины. Где одиночество безопасно. Где потеря другого человека не разрушает жизнь.

Мир, который любовь помогала нам строить с самого начала.

И именно поэтому ей самой в нём может не остаться места.

Любовь не исчезнет в один день.

Она просто может выполнить свою работу.

А потом пройдёт тысяча поколений.

Часть I

Лёд

Глава 1

До обеда

По утрам Артём узнавал, кто дежурит на кухне, ещё не открыв глаз. Если за стеной включали радио, готовил Саша. Если начинали двигать столы и ругаться на чужие кружки — Вера Павловна. Сегодня было тихо, только трижды щёлкнул тостер. Значит, Маша снова пыталась высушить хлеб, который отсырел в кладовой.

Он лежал на узкой койке, упираясь ступнями в металлическую спинку, и смотрел на куртку, висевшую напротив. Вчера собирался зашить карман. Неделью назад — тоже. Из прорехи выглядывал уголок бумажного пропуска, совершенно бесполезного здесь, за несколько тысяч километров от институтской проходной.

На соседней койке одеяло было сложено вдвое. На нём лежала раскрытая книга, придавленная очками.

Артём сел. Потянулся за часами и обнаружил рядом с ними свои перчатки: выстиранные, ещё чуть влажные у швов. Положила их Маша. Вчера она просила его освободить сушильный шкаф, потому что его вещи занимали две полки.

В умывальной пришлось подождать горячую воду. Он смотрел на себя в небольшое зеркало, приклеенное к стене над раковиной. За три месяца волосы отросли и теперь загибались над ушами; правую сторону Маша подровняла машинкой, а левую не успела — погас свет. Он тогда сказал, что разницы не видно. Разница была видна.

Лицо у него было широкое, с тяжеловатым подбородком и носом, чуть сдвинутым вправо после давней студенческой драки. В институте этот нос придавал ему вид человека более решительного, чем он сам себя считал. Здесь, в растянутой футболке, с заломом от подушки на щеке, никакой решительности не было.

Он умылся, пригладил мокрой рукой волосы и пошёл на кухню.

Маша сидела у окна с ноутбуком. Перед ней стояли две тарелки, на одной лежали подгоревшие тосты.

— Там снизу нормальные, — сказала она, не поднимая головы. — Верхний не трогай, он для Саши. Он всё равно зальёт его сгущёнкой.

Артём поднял верхний тост, посмотрел и положил обратно.

— Ты уже работала?

— С шести. Пришли ночные измерения.

Он налил кофе. У окна было прохладно: между рамой и откосом снова появилась тонкая полоска инея. Маша подвинула локтем свёрнутый свитер, чтобы он мог сесть.

Из кухни было видно почти всю станцию. Ближе всего стоял жилой модуль с двумя антеннами и спутанными растяжками. За ним тянулась дорожка из решётчатых настилов, которую каждый день приходилось освобождать от снега. Она вела к лаборатории и буровому ангару. Правее, отдельно от остальных строений, находились генераторная и склад. На скальном выступе в восьмистах метрах отсюда стоял аварийный домик; в хорошую погоду его красная дверь была видна без бинокля.

До приезда Артёму представлялось, что полярная станция должна быть похожа на космическую базу. В действительности здесь постоянно что-нибудь сушили. Над батареями висели носки, в тамбуре лежали разобранные крепления, у двери столовой стоял ящик с картошкой, на котором кто-то написал маркером: «НЕ САДИТЬСЯ». Садись все.

Маша развернула к нему экран.

— Видишь последние четыре точки?

Он наклонился.

— Опять ушла опора?

— Пока не знаю. Может быть, сам отражатель. После завтрака перемерим с другой стороны.

На экране несколько цветных линий шли почти ровно, но одна у правого края поднималась.

— Насколько?

— На семь миллиметров за ночь. Для прибора это много. Для вывода пока мало.

Она закрыла окно с графиком. Под ним оказалось письмо.

Артём узнал шапку института и отвёл взгляд к своей тарелке.

— Мне тоже пришлось, — сказал он.

— Я знаю. Меня поставили в копию.

Он разломил тост. Крошки упали на клавиатуру, и Маша молча стряхнула их на ладонь.

— Я ещё ничего не подписывал.

— В письме написано: «Как мы предварительно договорились с Артёмом».

— Мы обсуждали возможность.

— Ещё трёх месяцев.

На кухню вошёл Саша, заглянул в кастрюлю и сказал, что каша опять слишком густая. Они подождали, пока он наберёт себе завтрак. Артём хотел воспользоваться паузой, чтобы найти убедительное объяснение, но вместо этого заметил, как Маша проводит пальцем по краю кружки. Так она делала, когда старалась говорить спокойно.

— У меня только сейчас пошли нормальные серии, — сказал он. — Первые полтора месяца мы вообще не могли исключить загрязнение. Если я уеду, другой человек начнёт разбираться с самого начала.

— Тогда скажи, что хочешь остаться. Мне с этим хотя бы будет понятно, что делать.

— Я хочу закончить работу.

— Хорошо.

Маша снова открыла график, но он уже знал: разговор не окончен. Если оставить всё так, к вечеру она станет вежливой. Спрашивать, не мешает ли ему свет. Убирать свои вещи с его половины стола.

— Маш, я думал, мы обсудим это, когда придёт официальное предложение.

— Ты уже обсудил. С ними.

Он хотел возразить, но она повернулась к нему.

— У меня в октябре своя работа. Я не могу всё время выбирать между тем, чтобы уехать одной, и тем, чтобы ждать, когда у тебя закончится очередное важное измерение. Ты можешь остаться. Только не рассчитывай по умолчанию, что я останусь тоже.

Саша за их спинами шумно выдвинул ящик с ложками, хотя ложка уже лежала у него на тарелке.

Артём поставил кружку.

— Давай вечером нормально поговорим.

— Давай, — сказала Маша. — Только действительно поговорим.

Она встала и, проходя мимо, поправила на его плече перекрутившийся ворот футболки. Это привычное движение почему-то обнадёжило его больше, чем её согласие.

В лабораторию они пошли вместе.

Снаружи было безветренно. Под ногами скрипел плотный снег, и слышно было, как за стенкой генераторной работает двигатель. На перилах настила висели оранжевые флажки. Дальше, за ангаром, ровная белая поверхность постепенно опускалась к краю шельфа. Тёмной воды отсюда видно не было.

Маша остановилась у контрольной стойки, сняла крышку с прибора. Артём подождал.

— Иди, — сказала она. — Мне минут двадцать.

— Я напишу им, что решения пока нет.

Она посмотрела на него поверх поднятого воротника.

— Это уже ближе к правде.

В лаборатории пахло пластиком, спиртом и мокрой шерстью. На подоконнике стояла жестяная банка с луком. Саша привёз её месяц назад и утверждал, что зелень положительно влияет на психологическое состояние зимовщиков. Лук вырос бледным, лёг набок и продолжал существовать благодаря Маше.

Артём включил рабочее освещение, проверил температуру в холодильниках. Потом открыл журнал ночной съёмки.

Образцы рассола хранились в небольших герметичных камерах. Их поднимали из полости под станцией: солёная вода сохранялась там жидкой при температуре, при которой обычная давно замёрзла бы. Скважину бурили ради изучения льда и движения воды. Микроорганизмы обнаружались попутно — сначала в осадке на фильтре, затем в повторных пробах.

Само по себе это никого не удивило. Жизнь находили и в гораздо менее удобных местах.

Удивляло другое.

После одного из циклов охлаждения клетки перестали подавать признаки активности. Такое уже случалось. Артём оставил камеру под наблюдением и собирался списать серию, когда заметил изменения в образце. Они начались спустя несколько часов после возвращения температуры к прежним значениям.

Он повторил опыт. Потом ещё раз.

Теперь на экране были результаты четвёртой серии.

Артём придвинул стул, просмотрел запись сначала на ускорении, потом вернулся назад. На соседнем мониторе открыл контроль. Проверил время. Снова посмотрел контроль.

Маша вошла, когда он сидел, упершись кулаком в губы.

— Что?

— Кажется, снова.

Она сняла куртку и повесила на крючок. Короткий страховочный строп на её поясе стукнул карабином о ножку стула; Маша подобрала его и закрепила в держателе.

— Те, которые погибли?

— Вот это слово я пока стараюсь не использовать.

Он показал ей две записи. В одном поле почти ничего не менялось. В другом спустя некоторое время начинались едва заметные перемещения внутри полупрозрачных оболочек.

— Может быть, часть просто пережила охлаждение, — сказала она.

— Может. Или прибор не видел очень слабую активность. Или у нас две разные группы клеток и мы принимаем одно за другое.

— Но тебе нравится четвёртый вариант.

Он улыбнулся.

— Мне нравится, что это повторяется.

Маша наклонилась ближе к экрану.

— А вот эта?

— Какая?

— У края. У неё оболочка была повреждена?

Он остановил запись. Вернулся на несколько кадров.

Маша подождала, пока он увеличит изображение, потом выпрямилась.

— Только не пиши пока, что нашёл бессмертие.

— Я напишу: «Требуется дополнительная проверка». Это у нас научный способ сказать, что очень хочется немедленно всем позвонить.

Она улыбнулась, но достала рацию.

— Вера Павловна, я у Артёма. По второй линии смещение подтверждается. Мне нужно, чтобы Саша посмотрел крепления ангара.

Ответ пришёл не сразу.

Пока Маша ждала, Артём заметил, что одна из подвешенных к столу кабельных петель чуть покачивается. В помещении никто не двигался.

Из ангара донёсся короткий металлический удар.

Они оба повернулись к двери.

— Это не крепления, — сказала Маша.

Она надела куртку и вышла первой.

Буровая установка стояла в центре ангара, над закрытым устьем скважины. После завершения отбора проб насос был выключен, шланги уложены вдоль стены. Саша находился у дальней опоры. Он присел, держась за стойку, и смотрел на тонкую тёмную линию, которая пересекала снег у бетонной подкладки.

На самом деле снега там почти не было. Вчера его смели.

Маша подошла на несколько шагов и остановилась.

— Когда появилось?

— При мне, — сказал Саша.

Линия продолжалась под стеной ангара.

Маша прижала рацию к губам:

— Всем выйти из рабочего блока. К скале, по западной дорожке. Вера Павловна, это уже трещина. Буровую не запускаем, ничего не поднимаем.

Артём услышал, как по радио Вера повторяет команду остальным.

— Давление? — спросил Саша.

— Посмотрим снаружи. Выходим.

Насос не работал, никто не спорил, никто не требовал ещё пяти минут ради опыта. Саша первым вышел через западную дверь, чтобы проверить дорожку. Маша направилась за ним. Артём придержал внутреннюю створку — она всегда закрывалась сама.

Под полом что-то протяжно хрустнуло.

Маша успела сделать ещё один шаг. Настил под её правой ногой опустился, и она схватилась за косяк.

Из щели у дальней стены выступила вода.

Артём видел её всего секунду: тёмная полоса быстро расширялась между белым льдом и металлической подкладкой. Вода поднималась снизу, в месте, где её не должно было быть.

— Назад от стены! — крикнула Маша.

Он потянулся к ней.

Дальний край ангара просел. Буровая накренилась вместе с основанием, одна из растяжек лопнула и ударила по обшивке. Артём потерял равновесие, ударился плечом о дверную стойку и успел ухватить Машу за рукав.

Её лицо оказалось совсем близко. Она что-то сказала, но он не услышал за грохотом.

Пол ушёл из-под них.

Глава 2

Ниже льда

Артём очнулся оттого, что не мог вдохнуть.

Несколько секунд он лежал на боку, открывая рот, и ждал, когда грудь снова начнёт слушаться. Потом воздух вошёл коротким болезненным рывком. Он закашлялся.

Под щекой был мокрый металл.

Над ним висела часть крыши ангара. Она провалилась одним краем, зацепилась за буровую раму и теперь закрывала почти всё небо. В щели между листами обшивки виднелся тусклый дневной свет.

— Маша.

Получилось тихо. Он попробовал приподняться, и левое плечо отозвалось болью.

— Маш!

— Здесь. Не вставай сразу.

Она находилась ниже, у края накренившегося настила. Сидела, вытянув одну ногу. Другая уходила под решётчатую секцию, сорванную с перехода.

Артём пополз к ней.

Они упали вместе с частью пола на несколько метров и остановились на обломке ледяного свода. Ниже была вода. Она двигалась между кусками льда, заливала низкие участки настила и уходила обратно. Под наклонённой платформой что-то скрежетало при каждом таком движении.

— Сильно прижало?

— Ботинок. Голень вроде свободна.

Он взялся за решётку здоровой рукой и потянул вверх. Она не сдвинулась.

— Подожди, — сказала Маша. — Ты тянешь вместе с той балкой.

Она показала на край конструкции. Артём посмотрел, нашёл место соединения и понял: поднять секцию целиком они не смогут.

— Можешь вытащить ногу из ботинка?

— Уже пробовала.

На лбу у неё был порез. Кровь стекала вдоль виска и собиралась на воротнике. Артём хотел стереть её, но Маша перехватила его руку.

— Потом. Посмотри, куда наступаешь.

Из пролома наверху донёсся голос Саши.

Артём поднял голову и закричал. Саша показался у края, лёг на живот, заглядывая вниз.

— Живые?

— У Маши нога зажата!

— Лебёдку несущ. Вера уже вызывает борт. Держитесь там!

Он исчез.

Артём посмотрел на Машу. Она держала ладонь на колене, чуть выше места, где ботинок уходил под металл.

— Больно?

— Когда шевелю. Так терпимо.

По тому, как она прижимала ногу, он видел: ей больнее, чем она говорит. Спорить не стал.

У него на поясе оставался рабочий нож. Он достал его, опустился ниже и разрезал шнурок. Пальцы ещё слушались. Распустил верх ботинка, потянул за язычок.

— Сейчас попробуем вместе. На меня обопрись.

Маша взялась за его плечо и тут же ослабила хватку, заметив, как он поморщился.

— За шею, — сказал он.

Она обняла его одной рукой. Артём тянул ботинок вниз и в сторону, стараясь не выворачивать ей стопу. На третьей попытке пятка сдвинулась.

Маша резко втянула воздух.

— Ещё чуть-чуть.

— Подожди.

Они остановились. Артём чувствовал её дыхание у своего уха.

— Я готова, — сказала она.

Он потянул снова.

Нога вышла из ботинка. Маша сразу прижала её к себе и закрыла глаза.

Некоторое время они просто сидели рядом. Артём обхватил её за спину, чтобы она не соскользнула по наклонному металлу.

— Ботинок жалко, — сказала она.

Он посмотрел на неё.

— Ты серьёзно?

— Нет. Я пытаюсь не орать.

Он коротко, почти беззвучно засмеялся и поцеловал её в висок, рядом с кровью.

Сверху упал конец верёвки.

Саша устроился возле уцелевшей опоры перехода. За его спиной Артём увидел Веру Павловну. Она помогала закреплять переносное подъёмное устройство.

— Машу первую! — крикнул Саша. — Сейчас спущу косынку!

Вслед за верёвкой опустилась свёрнутая спасательная обвязка. Она висела в двух метрах от них, за провалом в настиле.

Артём уложил Машу удобнее, переполз к краю и потянулся. Не достал.

— Чуть вправо!

Саша качнул верёвку. Артём поймал её, намотал на ладонь один оборот и вернулся.

Маша уже выпрямлялась, пытаясь помочь. Они развернули косынку, подвели под неё опорную часть и соединили петли. Артём проверил карабин, дважды дёрнул верёвку.

Наверху начали выбирать слабинку.

В этот момент под ними снова хрустнул лёд.

Настил накренился сильнее. Маша схватилась за Артёма, он упёрся ногой в поперечину, но поперечина ушла вниз вместе со всем остальным.

Вода ударила в лицо.

Артём захлебнулся на первом же вдохе. Его потянуло под край платформы. Он вслепую вытянул руку и нащупал Машину куртку.

Она была рядом, совсем рядом, но вниз её держало что-то ещё.

Он вынырнул, увидел её затылок и снова нырнул.

На поясе у Маши оставался короткий рабочий строп. Его держатель сорвало при падении. Свободный карабин зацепился за решётку, и теперь решётка тонула, удерживая Машу лицом в воде.

Артём дёрнул карабин. Тот был под нагрузкой и не открывался.

Он нашёл нож.

С первого раза лезвие скользнуло по мокрой ленте. Со второго вошло глубже. Артём тянул нож на себя, боясь задеть Машу, и почувствовал, как натяжение внезапно исчезло.

Наверху выбирали спасательную верёвку. Машу развернуло лицом вверх.

Артём подтолкнул её под плечи.

Она закашлялась. Вода текла у неё изо рта, она пыталась ухватиться за него и мешала поднимать себя.

— Тёма!

— Держись за верёвку!

Он не был уверен, что она услышала. Подтянулся сам, поймал свисающий ниже обвязки конец.

До края пролома оставалось метра три.

Ледяная вода уже проникла под одежду. Он чувствовал холод не на коже, а повсюду сразу; грудь сводило, движения стали неровными. Артём подтянул колено, собираясь опереться на торчащую балку, и обнаружил, что правая нога не поднимается.

Он попробовал ещё раз.

Стопу удерживало под водой.

— Саша, стой! — закричал он.

Маша посмотрела вниз.

— Что?

— Ногу зажало.

Подъём остановился. Она висела чуть выше него, одной рукой держась за верёвку, другой — за его запястье.

Артём нырнул, насколько позволяла собственная рука. В мутной воде ничего не было видно. Он ощупал голень, добрался до ботинка. Тот оказался между элементами провалившейся рамы. В отличие от Машиного, его ботинок был зажат вместе со стопой.

Он вынырнул и судорожно вдохнул.

— Там рама. Нужен...

Он не договорил. Не знал, что именно нужно принести и как быстро это можно сделать.

Маша пыталась спуститься.

— Не надо, — сказал он. — Маш, не надо вниз.

— Я посмотрю.

— Ты не достанешь.

Она всё равно опустила свободную руку в воду, нащупывая его ногу. Верёвка развернула её боком. Саша сверху крикнул, чтобы она держалась ровно.

Артём ещё раз потянул стопу. Боль прошла до колена, но нога не освободилась.

Над водой медленно поворачивался погнутый угол платформы.

Теперь он видел, что происходит: рама, удерживавшая его, лежала на краю ледяного обломка. Обломок крошился. Рама опускалась.

Он был привязан к ней собственной ногой.

— Поднимай Машу, — сказал он.

Саша не слышал.

Маша услышала.

— Не начинай.

Она крепче сжала его запястье. Рука у неё была мокрая и очень холодная.

Артём посмотрел вверх. Уцелевшая секция перехода, на которой закрепили подъёмник, дрожала. Саша упирался в неё коленом, Вера держала его за пояс. Ещё один человек полз к ним со стороны лаборатории.

Они тоже находились на льду над полостью.

Рама сдвинулась.

Артёма дёрнуло вниз. Он удержался на верёвке, и вместе с ним вниз подалась Маша. Наверху громко щёлкнул металл.

— Ослабь! — крикнул Саша кому-то за спиной.

Маша начала соскальзывать ниже, почти легла на воду.

— Тёма, попробуй повернуть ногу. Не тяни прямо. Поверни, как я...

Он пытался. Поворачивал до тех пор, пока перед глазами не появились тёмные пятна.

Нога оставалась на месте.

Маша смотрела на него и ждала, когда получится.

Он вдруг вспомнил, что она была права насчёт письма. Он действительно сначала договорился с институтом. Разговор с ней оставил на потом, рассчитывая, что сумеет всё объяснить.

Сейчас ему хотелось сказать об этом. Но она бы решила, что он прощается.

— Смотри на Сашу, — попросил он.

— Я тебя держу.

— Знаю.

Под водой снова потянуло вниз. Маша вскрикнула от боли в плече, но не разжала пальцы.

Артём убрал свою руку с верёвки.

Она ещё держала его за запястье, уже обеими руками.

Он видел её лицо — мокрые волосы на щеках, кровь у брови, открытый рот. Она говорила что-то быстро и сердито. Так бывало, когда он делал очевидную глупость, которую ещё можно было исправить.

Он попытался повернуть ладонь в её руках, чтобы она не ушла в воду следом.

На мгновение их пальцы сцепились.

Потом рама провалилась окончательно.

Хватка разомкнулась.

Его опустило под поверхность, и дневной свет стал неровным, зелёным. Сверху прошла тень — Машу поднимали. Он видел движение её руки, пока вода не помутнела от осыпавшегося льда.

Артём ударил по раме свободной ногой. Ещё раз. Попытался согнуться, достать до зажатого ботинка.

Воздуха не было.

Он всё ещё ждал, что сейчас нога освободится, что удастся оттолкнуться и подняться. Нужно было только сделать правильное движение.

Он открыл рот.

Вода вошла внутрь.

Глава 3

Что осталось

В аварийном домике было слишком жарко.

Маша сидела на полу у обогревателя, закутанная в два одеяла. Мокрую одежду с неё сняли. На ногах были чужие шерстяные носки, один серый, другой с зелёной полосой. Повреждённую стопу зафиксировали, но она всё равно болела, особенно когда Маша пыталась подняться.

За дверью работали люди.

Маша слышала отдельные слова по рации и каждый раз поворачивала голову. Часть станции обесточили. Подходы к ангару перекрыли. Край обрушения продолжал осыпаться.

Врач снова присел перед ней.

— Посмотрите на меня.

— Что они делают?

— Осматривают с безопасной стороны.

— Там справа можно подойти. От лаборатории.

— Мария...

— Я знаю, где там опоры.

Врач не стал спорить. Он поправил одеяло на её плече, измерил пульс.

У двери стояли Машины вещи в прозрачном мешке. Из разорванного рукава высунулась внутренняя манжета. Маша смотрела на неё и думала, что манжета вывернута неправильно, её надо протолкнуть обратно.

Саша вернулся через сорок минут.

Она сразу поняла по тому, как он закрыл дверь, что ничего хорошего он не скажет. Всё равно спросила:

— Где?

Он снял перчатки.

— Пока не можем спуститься.

— Верёвка?

— Маш...

— Вы камеру опускали?

— Опускали.

Саша сел напротив неё на ящик с аптечками. На его подбородке засохла кровь, которой утром не было.

— Там всё сместилось. Мы не видим того места.

Маша кивнула. Потом спросила, есть ли камера на другом кабеле, длиннее.

Саша ответил.

Она спросила, можно ли убрать верхний лист обшивки.

Он ответил и на это.

Ей было необходимо продолжать. Пока оставался следующий вопрос, ещё существовало действие, которое они не попробовали.

Врач дал ей тёплую воду. Стакан дрожал в руках, и Маша поставила его на пол.

— Я отпустила, — сказала она.

Саша поднял голову.

— Что?

— Руку.

Он долго смотрел на неё.

— Я видел.

Маша ждала, что он скажет: ты не виновата. Ей не хотелось слышать эти слова. Она помнила, как его пальцы выскользнули из её ладоней, и никакое объяснение не могло изменить этого ощущения.

Но Саша сказал другое:

— Он сам убрал руку с верёвки. Иначе вас обоих затянуло бы. Я уже не мог выбрать слабинку.

Она отвернулась к стене.

В углу висела памятка по использованию аварийного маяка. Внизу кто-то нарисовал ручкой маленького пингвина, хотя пингвинов в Арктике не было. Артём однажды заметил этот рисунок и полчаса спорил с Сашей, кто его оставил.

Маша закрыла глаза.

К вечеру погода испортилась. Вертолёт пришёл только на следующий день.

Она уехала, оставив на станции один ботинок, ноутбук и кружку с отколотой ручкой. Про кружку вспомнила уже в полёте. Хотела попросить вернуться и сама испугалась того, насколько серьёзно об этом подумала.

В больнице ей объяснили, что перелома нет. Повреждены связки, есть последствия переохлаждения; некоторое время придётся ходить с опорой.

Она спросила, когда сможет вернуться на станцию.

Врач посмотрел в документы, потом на неё.

— Сейчас вам нужно восстановиться.

Она больше не спрашивала его о станции.

Через три дня позвонила мать Артёма.

Маша увидела имя на экране и не ответила сразу. Телефон замолчал, затем зазвонил снова.

— Машенька, — сказала женщина. — Мне сообщили. Но я ничего не поняла. Он же с вами был?

Маша сидела на краю больничной кровати. Рядом лежала пластиковая упаковка с новыми костылями.

— Со мной.

— Ты его видела?

— Да.

На том конце некоторое время молчали.

— Он был жив, когда ты его видела?

Маша прижала телефон сильнее.

— Да.

Она услышала, как женщина вдохнула, собираясь задать следующий вопрос, и поняла, что должна сказать сама.

— Он остался под водой. Его придавило конструкцией. Мы не смогли...

Последние слова вышли невнятно.

Мать Артёма не заплакала. Стала спрашивать, в какой Маша больнице, одна ли она, приехал ли кто-нибудь. Записала адрес. Маша отвечала послушно и только после звонка обнаружила, что всё это время держала свободной рукой край матраса.

На шестой день Вера прислала предварительное описание аварии.

Маша читала его медленно, возвращаясь к одним и тем же строкам. Полость оказалась протяжённой, чем показывала исходная модель. Зона трещин вышла за пределы бурового участка. Незадолго до обрушения давление воды изменилось, но имеющихся данных не хватало, чтобы определить последовательность событий.

В документе было написано: «Причины устанавливаются».

Маша открыла сохранённые ночные измерения.

Семь миллиметров.

Она увеличила график. Изменила масштаб по времени. Вывела соседние точки. Проверила температуру прибора.

Если бы она поднялась в пять.

Если бы настояла на переносе рабочего блока неделю назад, когда впервые заметила отклонение.

Если бы утром не сидела с ним на кухне.

Вера позвонила сама.

— Закрой графики.

— Вы не знаете, что у меня открыто.

— Знаю.

Маша молчала.

— Пришли мне свои замечания, когда сможешь работать. Все, какие есть. Их проверят.

Но сегодня ты ничего нового там не найдёшь.

— А если найду?

Вера вздохнула.

— Тогда всё равно сначала пришлешь. И дашь другому человеку посмотреть.

После разговора Маша закрыла ноутбук, но не убрала со стола.

Домой она вернулась через две недели.

В прихожей стояли Артёмовы кроссовки. Один лежал на боку, как будто он только что снял их, не развязав шнурки. На крючке висела его лёгкая куртка, слишком тонкая для наступившей осени.

Маша прошла на кухню и открыла окно. В квартире пахло пылью и сухой землёй из цветочных горшков.

Она заранее боялась спальни, ванной, его книг. Оказалось, труднее всего было открыть холодильник. На полке стояла банка горчицы, которую он купил перед отъездом и успел съесть наполовину. На крышке засох жёлтый след от ножа.

Маша закрыла дверцу.

Потом открыла снова и выбросила испортившиеся продукты. Горчицу оставила.

В тот же вечер ей переслали материалы с лабораторного сервера. Резервная копия сохранилась целиком, включая последнюю серию наблюдений.

Маша открыла видеозапись рабочего стола. Камера снимала образец, но микрофон записывал и помещение.

Сначала слышалось, как Артём двигает стул. Потом её собственный голос:

— Только не пиши пока, что нашёл бессмертие.

Маша остановила запись.

Она долго сидела перед экраном. Потом сохранила рабочие данные в отдельную папку, а звуковую дорожку — в другую.

Наутро пришло письмо о её октябрьском проекте. Спрашивали, остаются ли договорённости в силе.

Маша набрала: «Нет».

Посмотрела на слово, стёрла.

Написала, что ей потребуется ещё две недели, но она намерена приступить к работе.

Прежде чем отправить, открыла календарь. Там всё ещё стояло старое событие, которое они добавили перед экспедицией: «Вернуться».

Она изменила дату окончания поездки. Название оставила.

Часть II

После чувств

Глава 4

Найденный

Лея впервые увидела его руку отдельно от остального тела.

Изображение было увеличено почти в тридцать раз. Между складками кожи лежал тёмный минеральный осадок. Ногтевая пластина сохранилась плохо, суставы были повреждены, но рисунок тканей прослеживался достаточно ясно.

Лея провела пальцем по экрану, убирая поверхностный слой изображения.

— Покажите исходное сканирование.

Мира стояла рядом, не снимая полевой одежды. На её правом рукаве высохла светлая грязь.

— Оно перед вами. Мы совместили проходы, но недостающие участки не достраивали. Могу разделить слои.

Лея проверила границы совмещения и открыла соседний срез.

За прозрачной перегородкой находился доставленный блок породы и льда. Большую часть наружного материала уже удалили, но тело ещё оставалось внутри. Его обнаружили при обследовании древнего ледникового отложения, глубоко под нынешней поверхностью долины. Вокруг лежали обломки искусственного происхождения.

Сначала приборы выделили остатки сооружения. Затем внутри одного из блоков обнаружили органическую структуру. Мира остановила подъём, добавила к креплениям опорную оболочку и вызвала транспорт с управляемой температурой. До его прибытия работы на этом участке не возобновляли.

— Датировка подтверждена? — спросила Лея.

— Три независимые серии. Слои нарушены, поэтому диапазон широкий. Двадцать семь — двадцать девять тысяч лет. Это возраст материала, который окружал тело. Совпадает ли он со временем гибели, ещё нужно проверить.

Лея просмотрела точки отбора проб. Их расположение позволяло искать позднее проникновение, и в результатах его признаков не было. Она добавила ещё две точки: у повреждённого плеча и возле металлического фрагмента под ногой.

Она занималась восстановлением сложных тканей. Обычно до её участия успевали установить, какие структуры сохранились, какие утрачены и насколько надёжно одно отделено от другого. Здесь первичные данные не соответствовали ни одной из доступных моделей распада.

— Температуру не меняли?

— Только в пределах транспортного допуска.

— Сохраните режим. Дальнейшее вскрытие — после исследования оболочки.

Мира отправила изменение плана своей группе. Затем указала на повреждение у плеча.

— Здесь прошёл захват. При подъёме блок сместился. Я выбрала ближайшую устойчивую поверхность. В журнале есть нагрузка и запись движения.

Лея открыла запись. Проверила последовательность и пометила участок, где транспортное повреждение могло исказить результаты.

— Для этой зоны нужна отдельная оценка. Контакт с остальным материалом был?

— Нет. Захват сняли и изолировали.

Мира передала сведения о транспортировке и ушла готовить следующий выезд. Её задачи в центре на сегодня были закончены.

Первую пробу взяли с края уже разрушенной ткани. Через час Лея запросила повторное исследование. Через три перенесла работу в изолированный комплекс. На следующий день к ней подключили ещё две группы.

Ткани не были живыми в обычном смысле. В них не происходило ничего, что позволяло бы говорить о работающем человеческом организме. Но ожидаемого распада тоже не было. Между клеточными структурами обнаруживался материал, которого в человеческом теле быть не должно.

В нём нашли следы другого организма.

— Он вытеснил воду? — спросил Ивар на первом общем разборе.

— Часть воды была связана. Кроме того, между клеточными структурами сформировалась устойчивая оболочка, — ответила Лея. — Как это произошло и насколько быстро, пока неизвестно. Мы видим конечное состояние.

Ивар руководил восстановительным центром. На его экране рядом с медицинскими данными находились расчёты потребного времени и загрузки оборудования. Два комплекса были свободны, третий пришлось бы отвлечь от плановой работы. Лея заранее разделила этапы так, чтобы проверка первых результатов не требовала всех трёх.

— Есть основания считать мозговую структуру достаточной для восстановления?

— Для проверки — да. Для вывода — нет. Если выяснится, что повреждения не позволяют сохранить исходную организацию, мы остановимся. Заполнять пробелы расчётной моделью человека я не предлагаю.

Ивар просмотрел границы этапов.

— Возможность возвращения сознания должна быть предусмотрена до начала следующего шага. Нужны средства общения и помощь при нарушениях поведения. У человека этого периода они будут другими.

— Я запросила исторические языковые модели и сведения о нервной регуляции. Подготовлю несколько вариантов.

Разрешение на первый этап они оформили в тот же день. Оно включало условия остановки, независимую проверку и сохранение исходных образцов. Восстановление человека входило в назначение центра; необычность находки требовала дополнительных доказательств, но не отдельного права на помощь.

На двенадцатый день отдельные восстановленные клетки начали работать. На двадцать шестой стало ясно, что часть повреждений можно исправить. Продолжению предшествовало повторное сопоставление результатов: ни одна группа не знала выводов другой до завершения своей проверки.

На сороковой день Лея передала ночное наблюдение коллеге и пошла спать. Она оставила указания для трёх возможных изменений. При четвёртом, не предусмотренном, работу следовало приостановить и связаться с ней.

Непрерывно находиться у аппарата не требовалось. Лея была бы полезнее после сна.

Не всё удавалось. Некоторые ткани приходилось восстанавливать заново; другие нельзя было трогать, пока не становилось ясно, что именно сохранилось. Чужой организм и продукты его деятельности разделяли постепенно. Его способность удерживать структуры в таком состоянии оставалась необъяснённой. Лея внесла это в рабочую модель как установленное наблюдение с неизвестным механизмом.

Самым трудным оставался мозг. Здесь нельзя было заменить утраченное удобной догадкой. Либо они сохраняли существующую структуру и помогали ей снова работать, либо признавали, что не сумели. В отчётах эти исходы занимали разные строки.

До появления признаков сознания подготовили палату. Переводчик мог использовать несколько вариантов старой речи. Свет и звук ограничили, ненужные приборы убрали из поля зрения. Для персонала составили короткие пояснения о реакциях, которых у современных пациентов не наблюдалось.

Лея просмотрела старые записи плача. Движение мышц лица, нарушение дыхания, повторение одних и тех же слов. Она знала назначение этой реакции в прошлом. Сама ничего

подобного не испытывала и не считала просмотр способом приблизиться к переживанию. Ей требовалось отличать его от боли, удушья и нарушения сознания.

Когда мужчина открыл глаза, она находилась в соседней комнате.

Система вызвала её коротким сигналом.

Он лежал на спине, повернув голову к свету. Глаза двигались, но взгляд не задерживался на предметах. Лея подошла со стороны, где он мог её видеть.

— Вы меня слышите?

Фраза прозвучала на наиболее вероятном варианте его языка. Лея замолчала, чтобы система не смешала её следующую реплику с возможным ответом.

Мужчина смотрел на неё. Его губы шевельнулись.

Первое слово переводчик не распознал. Он попытался повторить. Из горла вышел слабый сухой звук.

— Сейчас говорить трудно. Не напрягайтесь. Если понимаете меня, закройте глаза и откройте снова.

Он выполнил просьбу. Лея увлажнила ему губы и проверила положение головы.

Мужчина опять что-то сказал.

На экране появилась запись: «Маша».

Лея пометила вероятное имя и вернула внимание пациенту.

— Вы спрашиваете о человеке?

Он закрыл глаза и едва заметно кивнул.

Глава 5

Двадцать восемь тысяч лет

Артём решил, что его везли долго.

Иначе нельзя было объяснить, почему в палате нет знакомых людей и никто нормально не говорит по-русски. Женщина возле кровати отвечала с небольшой задержкой. Губы двигались не совсем в такт голосу. Он списал это на лекарства.

— Где Маша?

— У нас нет сведений о ней. Вы можете назвать её полное имя? Мы запишем и попробуем установить, что произошло после вашего расставания.

Он назвал: Мария Орлова. Говорить оказалось трудно. Во рту было сухо, язык не слушался, после нескольких слов хотелось закрыть глаза.

Женщина повторила имя, проверяя произношение.

— Её вытащили?

— Я не знаю. Сейчас не могу дать надёжный ответ.

Он попытался повернуться на бок. Тело почти не подчинилось, а в правой ноге появилась тупая боль.

— Где я?

Она назвала место. Он не понял.

— Страна какая?

— Название современной области вам не знакомо. Мы сопоставим её положение с вашей картой. Сейчас вы находитесь в центре восстановления, помощь доступна постоянно.

Ему казалось, что вопросы очень простые, а она зачем-то отвечает так, чтобы он спрашивал снова.

— Позовите русского врача.

— Я могу говорить на вашем языке через систему перевода. Другого человека, владеющего им непосредственно, в центре нет. Если мои объяснения непонятны, их можно изменить.

Он посмотрел на её лицо внимательнее. Волосы короткие, тёмные, без пробора. На одежде не было ни бейджа, ни карманов, ни привычных медицинских деталей.

— Кто вы?

— Лея. Я веду ваше восстановление.

— Реаниматолог?

Переводчик задержался перед ответом.

— Моя работа шире, но сейчас вы можете считать меня лечащим специалистом.

Артём закрыл глаза. Ему требовалось отдохнуть, прежде чем задать следующий вопрос. Следующее пробуждение было хуже.

Ему снилась вода. Он не видел её, только не мог закончить вдох. Проснулся, пытаясь подняться, и обнаружил над собой две фигуры.

— Артём. Вы можете дышать.

Он оттолкнул чужую руку. Или попытался оттолкнуть: движение вышло слабым.

— Не держите!

Руки сразу убрали. Лея осталась рядом, на расстоянии.

— Мы поддерживали вас, чтобы вы не упали. Сейчас вы лежите. Воздух поступает нормально. Посмотрите на край кровати, потом на окно.

Он дышал часто и шумно. Перед глазами плавали пятна. Женщина не повторяла просьбу успокоиться. Ждала.

Потом он увидел край кровати, собственную руку и трубку, уходящую к устройству возле стены. Вода была во сне.

Он лёг обратно.

— Сколько? — спросил он.

— Сколько времени прошло?

— Да.

Лея подвинула стул. Он понял, что ответ будет плохим.

Месяц. Полгода. Может быть, больше. Маша успела уехать домой. Может быть, ей сказали, что он не выживет. Может быть, она сидит где-то за дверью, а эти люди не пускают её, потому что сначала должны проверить, понимает ли он речь.

— Ваше тело нашли в древнем отложении. После этого мы работали над восстановлением больше двух месяцев. По совокупности измерений, с момента вашей гибели прошло около двадцати восьми тысяч лет. Это оценка, не точная дата.

Артём подождал. Ему показалось, что переводчик ошибся.

— Двадцать восемь чего?

— Тысяч лет.

Он медленно повернул голову к стене. Там не было часов.

— Позовите другого человека.

— Я позову. Независимые результаты тоже доступны, когда вы сможете их посмотреть.

Она сказала это без нажима, не предлагая поверить ей на слово.

Артём не поверил. Достаточно было решить, что он ещё не проснулся как следует. В больницах случается всякое. Люди после тяжёлых травм видят вещи, которых нет. Он не мог знать, как выглядит сознание после собственного утопления.

— Какое сегодня число?

Лея назвала дату в местном календаре и объяснила, что для точного перевода в его летосчисление нужно восстановить несколько исторических соответствий. Возраст отложения определяли иначе.

— То есть дату вы не знаете.

— Точного числа по вашему календарю — пока нет. Диапазон прошедшего времени от этого не меняется.

Артём отвернулся.

— Понятно.

Он сказал это, чтобы она ушла. Лея уточнила, хочет ли он остаться один. Он ответил, что хочет. Она показала кнопку вызова и вышла.

На третий день ему позволили поднять спинку кровати. На пятый он смог самостоятельно удержать чашку. Она была лёгкая, шероховатая, с широким основанием. Он подумал, что Маша одобрила бы такую: она терпеть не могла стаканы, которые легко опрокинуть.

Лея приносила сведения небольшими частями. Иногда Артём задавал один вопрос несколько раз подряд, проверяя, не изменится ли ответ. Она отвечала снова, не напоминая о предыдущем разговоре.

Ему показали место находки.

Он узнал фрагмент буровой рамы раньше, чем понял, что узнаёт его. Изображение повернулось, и на внутренней стороне проявился характерный изгиб поперечины. Артём долго смотрел на него. В том месте, где должна была быть вода, теперь лежала тёмная порода.

— Это подделка, — сказал он.

— По изображению вы не можете исключить такую возможность, — ответила Лея. — Есть извлечённые предметы, результаты датирования и образцы. Вы сможете исследовать их сами, насколько позволит состояние.

— И все они у вас.

— Да. Поэтому сомнение не снимается одним моим ответом.

Она не спорила дальше. Артём заранее приготовился к спору и не знал, что делать с её согласием.

На девятый день ему принесли вещи. Не куртку и не ботинки. Несколько небольших контейнеров с тем, что сохранилось рядом с телом.

В одном лежала искривлённая металлическая деталь, почти целиком покрытая налётом. В другом — фрагмент застёжки. В третьем — часть ламинированной карты.

Пропуск. Тот самый, который торчал из разорванного кармана.

От фотографии осталось пятно. Несколько букв читались после обработки, часть обозначений восстановить не смогли. Артём попросил увеличить угол.

На обороте Маша однажды нарисовала ручкой маленькую стрелку и написала: «ЗАШЕЙ». Она сделала это перед экспедицией, когда он в очередной раз едва не потерял карточку.

Надпись не сохранилась целиком. Остались две буквы и кусок линии. Артём помнил, как она держала пропуск на колене и пробовала ручку на пальце, потому что та плохо писала по пластику.

— Можно оставить?

— Контейнер — да. Его нельзя открывать вне защитной среды: материал начнёт разрушаться.

Он взял контейнер обеими руками.

Вечером попросил показать, что находится за стеной. Лея проверила, может ли он перенести перемещение, и привезла кресло.

За широким окном был внутренний двор с деревьями. За ним поднимались невысокие здания, расположенные на разных уровнях склона. Дальше виднелась вода.

Артём ожидал увидеть невероятные машины, башни, небо, закрытое транспортом. Вместо этого увидел человека, который шёл по дорожке с длинной светлой доской под мышкой. У края газона работал небольшой механизм. Деревья были незнакомыми.

Двое прохожих остановились у ограждения. Один указал на перекрытый участок, другой посмотрел на свой экран. Они вместе перенесли лёгкую секцию в сторону и разошлись. Никто не позвал служащего и не стал выяснять, кто поставил ограждение поперёк дороги.

Артём почти не заметил этого. Он смотрел на воду.

Мир, в котором не было Маши, выглядел обычен. Это оказалось хуже любого зрелища, которое он мог представить.

— Она точно не...

Он остановился. Лея ждала.

— Нет, — сказал он. — Не отвечайте.

Он сам понимал, что спрашивает.

Когда его вернули в палату, он попросил выключить свет. Потом — закрыть дверь. Потом позвал Лею снова.

— Посидите.

Она вернулась и села. Через несколько минут Артём начал плакать.

Он пытался остановиться, потому что рядом находился чужой человек. От этого становилось только труднее. Болела грудь, дыхание сбивалось, слёзы попадали в уголки рта.

Лея подала ему мягкую салфетку. Он не взял. Тогда она положила её рядом с его рукой и осталась на месте.

Она не гладила его по плечу и не говорила, что понимает. Иногда проверяла показания на небольшом экране. Артём видел это и всё равно не хотел, чтобы она уходила.

Глава 6

Человек рядом

Утром Лея спросила, нужно ли изменить порядок вечерних посещений.

Артём сидел на кровати. Он плохо спал и теперь пытался вспомнить, что именно говорил ночью. Казалось, он много раз повторил Машино имя.

— Я вам помешал?

— Нет. Работу, для которой требовалось моё присутствие, к тому времени закончили.

— А если бы не закончили?

— Пришёл бы другой специалист. Если вам существенно, чтобы оставался один и тот же человек, это можно учесть в расписании.

Он посмотрел на неё. В её ответе не было ни теплоты, ни раздражения. Вчера она просидела почти час и сегодня обсуждала этот час так же, как время перевязки.

— Существенно, — сказал он. — Только я пока не могу объяснить почему.

— Объяснение не обязательно для того, чтобы проверить, помогает ли это. Назовите, кто вам подходит.

Артём назвал её. Лея внесла время в расписание и спросила, разрешает ли он сохранять содержание разговоров или только сведения о состоянии. Он выбрал второе.

В последующие дни она приходила после вечерних процедур. Иногда он говорил, иногда молчал. Она не заполняла паузы вопросами. Когда ему требовалось остаться одному, уходила сразу.

Однажды он спросил, почему она никогда не улыбается.

Лея отложила экран.

— Вы ожидаете улыбку как подтверждение расположения?

— Я вообще её ожидаю. От человека, с которым разговариваю неделю.

— Я могу учитывать такие сигналы, но для меня они не выражают состояния, которое вы в них ищете.

Артём сел ровнее.

— Это у вас лично?

— У большинства людей моего времени. Вы уже заметили различие в поведении. Нам стоит обсудить его до того, как вы начнёте принимать его за отношение к вам.

Он подождал, пока переводчик закончит. Потом спросил, что именно она не чувствует.

Лея ответила обычными словами. Она не испытывала радости от удачи, обиды на чужую грубость, стыда после ошибки. Не скучала по людям, когда они уходили. Знала, как эти состояния проявлялись, могла распознать их у Артёма, но собственного соответствующего переживания не находила.

Голод, усталость, ощущение температуры и боль сохранялись. Они сообщали о состоянии тела. При неожиданном движении Лея могла отдёргнуть руку. После этого оценивала опасность; страха, который продолжался бы и заставлял снова возвращаться к случившемуся, не возникало.

— То есть вы всё время себя сдерживаете?

— Нет. Сдерживать нечего. Для нас это обычное состояние с детства. Мы не принимаем препараты, чтобы его поддерживать.

Артём посмотрел на дверь. За ней кто-то негромко разговаривал. Он вдруг понял, чего не слышал за все эти дни: смеха в соседней комнате, нетерпеливого вздоха, хлопнувшей двери. Люди менялись, звуки оставались одинаковыми.

— Как это случилось?

Лея вызвала краткую историческую схему, но Артём попросил пока обойтись без неё.

— Постепенно, — сказала она. — Сначала люди научились надёжнее обеспечивать себя и предупреждать опасность. Уход за детьми, лечение, распределение работы перестали зависеть от личной привязанности. Многие решения, для которых раньше требовалось быстрое эмоциональное побуждение, стали выполняться по устойчивым правилам. Затем менялись воспитание и сам организм. Эти процессы заняли гораздо больше времени, чем одна человеческая жизнь.

— И всё ненужное отпало?

— Так обычно сокращают историю, но этого недостаточно для объяснения. Одного отсутствия необходимости мало. Были наследственные изменения, выбор способов развития, ранняя работа с нервной регуляцией. Длительные эмоциональные состояния становились слабее от поколения к поколению. Какова доля каждого процесса на разных этапах, известно не полностью.

Артём потёр лоб. Ему хотелось возразить, но он не мог решить, чему именно: тому, что это произошло, или тому, как спокойно она об этом сообщала.

— А зачем вы утром встаёте?

— Сегодня — чтобы продолжить вашу реабилитацию и проверить результаты двух других случаев. После работы у меня обучение.

— Я не о расписании. Зачем вам всё это делать, если вы ничего не хотите?

Лея некоторое время подбирала ответ. Переводчик показал несколько вариантов одного слова, и она убрала их с экрана.

— Я могу удерживать цель, сравнивать результаты и выбирать действие. Для этого мне не нужно испытывать восторг от успеха. У моего тела есть потребности. У меня есть способности и принятые обязательства. Я выбираю работу, в которой могу принести достаточный результат с доступными затратами.

— Кто решил, что результат должен быть именно таким?

— Часть исходных условий связана с тем, что мы живые существа. Остальные люди соглашуют. Сохранение жизни, доступ к знаниям, самостоятельность решений. Из одной логики невозможно получить ответ, что следует сохранять. Она позволяет проверить, достигаем ли мы выбранного.

Он впервые за разговор почувствовал, что слышит не заготовленное объяснение. Или заготовка была достаточно хороша, чтобы включать этот вопрос.

— А если вы ошиблись?

— Меняю решение, когда появляются основания.

— Не неприятно?

— Нет.

Артём вспомнил, сколько времени сам тратил на защиту неудачной гипотезы только потому, что уже объявил о ней коллегам. Спросить что-нибудь ещё сразу не получилось.

Через два дня ему разрешили дойти до общей столовой с опорой. Лея сопровождала его, но оставила выбрать место самому.

Столы были рассчитаны на разное число людей. Несколько человек ели поодиночке, трое вместе изучали изображение на стене. Никто не оглянулся на Артёма дольше, чем требовалось, чтобы освободить ему проход.

На свободном столе стояла чашка. Артём хотел отнести её, но подошёл мужчина и убрал сам.

— Я оставил её при переходе к другой задаче, — передал переводчик. — Стол свободен.

Он не смутился и не стал объяснять, почему отвлекся. Забрал чашку, стёр влажный круг и ушёл.

Артём сел. Возле его локтя появилась панель выбора. Там были состав, температура, плотность еды и несколько вариантов вкуса. Рядом — сведения о том, что он уже ел сегодня.

— Если вкусы различаете, значит, удовольствие есть?

— Различать сладкое и испытывать радость — разные процессы, — ответила Лея. — Для вас они чаще связаны. У нас выбор еды обычно зависит от состава, переносимости и затрат на приготовление. Ощущение вкуса помогает различать продукты. Предпочтение тоже возможно, если оно не мешает остальному.

Он выбрал тёплую густую еду, похожую на кашу. Лея заказала другую порцию, меньшую.

— Вы едите со мной по расписанию?

— Да. Это позволяет сопровождать вас, не занимая дополнительного времени.

Артём кивнул. Её прямота была удобна. Иногда от неё становилось очень одиноко.

За дальним столом один из троих указал на число в расчёте. Второй изменил его, и изображение участка здания повернулось. Разговор продолжился без паузы, которую Артём ожидал после обнаруженной ошибки. Никто не пытался доказать, что имел в виду другое.

— Они всегда так спорят?

— Сейчас они проверяют проект. Если данных не хватит, назначат дополнительное измерение. Почему вы спрашиваете?

— В моё время на этом месте могли потратить полчаса на выяснение, кто неправильно понял.

— Это задержало бы работу.

— Зато каждый сохранил бы лицо.

Переводчик пояснил выражение. Лея кивнула: понятие ей было известно.

Позже, уже в палате, Артём спросил о детях.

Она рассказала о небольших группах, постоянном составе сопровождающих на каждом этапе развития, индивидуальных программах. Взрослых не меняли произвольно: ребёнку требовались предсказуемая среда и понятные способы общения. Но никто из сопровождающих не считался его единственным родителем.

— Если ему страшно, к кому он идёт?

— Если вы имеете в виду вашего ребёнка, я не могу прямо перенести на него наши правила. У наших детей иначе развивается нервная система. Они нуждаются в помощи, могут испытывать боль, теряться в незнакомой ситуации. Для этого рядом находится известный им взрослый. Продолжительного страха и привязанности вашего типа у них обычно не формируется.

— А взрослый зачем остаётся? Из любви ведь не может.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.